

СТРАЖЕР

Василиса Павлова

[ПОДМОСКОВЬЕ]
ПЕСНЯ ПТИЦЕЛОВА

Апокалипсис-СТ

Василиса Павлова

Подмосковье. Песня Птицелова

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлова В.

Подмосковье. Песня Птицелова / В. Павлова — «Издательство АСТ», 2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-120593-5

Камнепад из космоса навсегда изменяет не только земную поверхность, но и судьбы людей, хотя большинство из них даже не догадывается, что мир висит на тонком волоске. Страшной угрозе, которую несет пришелец с каменным сердцем, могут противостоять только герои с обычными, живыми сердцами, однако им только предстоит узнать, что самое трудное в смертельной битве с чужаком – это просто остаться человеком. А кто-то из них еще имеет дерзость рассчитывать на счастье. Но ведь иногда смерть стоит того, чтобы жить, а любовь – того, чтобы ждать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120593-5

© Павлова В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василиса Павлова
Подмосковье. Песня Птицелова
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Павлова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть 1

Закрывая небесный свет

Глава 1

На растрескавшейся земле

– Отставить смех! – рявкнул майор. – Лагутин, я посмотрю, каким местом ты будешь смеяться, когда эта тварь тебе башку откусит!

Бойцы так и грохнули. Последний инструктаж перед операцией проходил на редкость весело. Нет, майор Комов не пытался хохмить специально, это получалось само собой. Отряд ликвидаторов состоял в основном из бывалых спецназовцев, для которых опасность не в новинку, поэтому рассказы майора их не сильно пугали. Команда подобралась молодая, ребята задорные, им палец покажи – полдня будут ржать. А тут Комов завел разговор про мутантов-гигантов: мышей размером с кошку, волков с пантеру, а потом и вовсе про белок. Вот огромная белочка и вызвала дружный гогот и шутки про алкашей. Больше всех старался Сашка Лагутин, ему в первую голову от майора и влетело.

Александр был в отряде недавно, всего второй месяц. После переподготовки он сам попросил направить его в Табловскую войсковую часть, базирующуюся недалеко от родной Рузы. Были у него на этот счет свои планы.

– Ну что, веселиться закончили? Теперь внимание, всем сосредоточиться! Еще раз пробежимся по плану завтрашней вылазки.

Майор по старинке разложил на столе бумажную карту местности. Он упорно игнорировал современную технику, предпочитая инструктаж «на коленке», в полевых условиях. При этом часто цитировал любимый фильм: «Как-нибудь обойдемся без ваших мониторов-смартфонов. Сапог в бою надежнее». Надо отдать ему должное, в этом Комов был прав. В лесной чаще и на болоте гаджеты не шибко помогали. Выручали, как и в старые добрые времена, спецподготовка и обычные навыки выживания.

– Внимание, бойцы! Повторяю задачу. Наша цель – разведка, раз! Закладка «хитиновых» зарядов как можно ближе к эпицентру Зоны, два! Вернуться живыми и здоровыми, три! Всем ясно? Лагутин, тебе ясно?

Сашка кивнул. Ему часто доставалось от майора за «разговорчики в строю» и шуточки. Доставалось больше на словах, редко когда дело заканчивалось взысканием. Комова любили, за глаза называли «батей». Да и он, несмотря на грозный вид, относился к своим подопечным по-отечески – отчитывал строго, но всегда справедливо, и если уж влетало, то за дело.

Майор кашлянул и продолжил:

– Выдвигаемся на рассвете. Идем цепью, друг друга из вида не теряем. Как проходим во второй периметр, все – никакого писка-шума, тишина в эфире, разделяемся попарно. Огнестрельным оружием пользоваться только в случае крайней необходимости. Зверье там дурное, голодное. На выстрел сбегаются целые стаи. При нападении только ножом. Перед отбытием всем пройти медосмотр, получить допуск. Больным и ослабленным идти запрещаю, сами сгинете и товарищей погубите. Аногемму принять за пять минут до выхода.

И запомните, сынки. Вы не просто ликвидаторы: вы, как говорили раньше, сталкеры, люди, способные выживать в аномальных Зонах. Табловская до конца не изучена, и что там нас ждет, одному богу известно. Но зараза должна быть уничтожена без промедления, в самом своем гнезде! И раздавить ее должны мы с вами, пока эта гниль снова не выползла наружу. Дело опасное... Что говорить, сами знаете, после таких операций возвращаются не все. А завтраш-

няя – последняя, решающая. Наше главное оружие – внезапность и стремительность. Заметят – нарвемся на сопротивление, мало не покажется. Если есть сомнения, не поздно отказаться. В общем, завтра в бой идут одни... старики!

Комов улыбнулся, но вскоре снова посерьезнел:

– Теперь письма родным. Все по инструкции, лишнюю информацию не передавать. Побольше про природу и про то, что хорошо кормят. Никаких прощаний. Дату поставить первое октября.

Свободны.

На дворе стоял золотой сентябрь. Все понимали, что все эти фокусы с датой – из-за секретности, и если боец не вернется, они «продлят» его жизнь на какое-то время. Хотя бы для родных и близких. Обгоревшие трупы пропавших во время подобных операций находили, как правило, недели через две-три. Плюс время на формальное расследование и оформление документов по официальной версии гибели. В итоге родные получают цинковую посылку и уведомление как раз через месяц. Хотя бы это время они проживут спокойно, правда, конечно, утешение слабое.

Сашке писать было некому. Отца он не знал с рождения, мать умерла три года назад от скоротечной болезни, как и многие в первые месяцы после метеоритной «бомбежки». Александр тогда служил на границе. Их базу не задело, обошло стороной. Ближайшие места поражения оказались в нескольких сотнях километров, поэтому приходящие новости одновременно и тревожили и казались чем-то фантастическим, захватывающим, как в кино.

Отрезвление пришло быстро, фантастика обернулась ужасающей реальностью. Фотографии и видео из новостной рассылки хорошо отражали масштабы катастрофы, в пик официальных сведений о якобы редких локальных повреждениях. Достаточно было взглянуть на фото со спутника, чтобы понять – невесть откуда взявшиеся небесные камни просто изрешетили земную поверхность, сделав ее похожей на использованную мишень на стрельбище. И сама жизнь на растрескавшейся земле, как оказалось впоследствии, тоже сильно изменилась.

Вскоре до Сашки дошли слухи, что один из крупных метеоритов свалился неподалеку от Рузы, и практически сразу за слухами полетели черные вести об эпидемии неведомой болезни, якобы не связанной с предшествующими событиями. И снова официальные власти с экранов телевизоров и страниц СМИ призывали не поддаваться панике, высокие чины уверяли, что ситуация под контролем. Только кривая смертности при этом упрямо лезла вверх, побивая многолетние рекорды.

Мать до последнего скрывала болезнь, успокаивала. Вызвала Сашку соседка, телеграммой, когда та совсем ослабла. Хорошо, в части оказались люди понимающие, отпустили без проволок. Он успел приехать и даже попрощаться.

Потеря саданула в самое сердце – ближе матери у Сашки никогда никого не было, а после свадьбы друга и любимой и вовсе осталась только она. После похорон Александр вернулся в часть, там долго отходил сердцем, стараясь не давать волю тоскливым мыслям, не замыкаться в нагрянувшем одиночестве. Помогали друзья, да и тайга, к которой успел привыкнуть, стала почти родным домом. Так и дослужил. После дембеля твердо решил начать новую жизнь, спокойную, нормальную, как обещал когда-то матери. Волна эпидемии в Подмосковье к тому моменту сошла на нет – то ли действительно нашли вакцину, то ли смерть, собрав немалый урожай, отступила сама.

Вспомнилось, когда ехал домой, подошла к нему на вокзале цыганка. Типичная «позолоти ручку!», что метут юбками грязный асфальт привокзальных площадей. Подкатила радостно, сверкая золотой коронкой, а как в глаза ему взглянула – отшатнулась, брови нахмурила, зыркнула почти сердито. И денег не попросила, только сказала скороговоркой, будто спешила уйти подальше от зачумленного: «На беду едешь, лучше бы тут остался!» Сашка в гадания-предсказания никогда не верил, а тут и его жуть пробрала. Догнал, вложил в ладонь

мятую сотню, вроде как задобрить. Цыганка тогда взглянула печально, добавила: «Не бойся врага, бойся друга, может, тогда судьбу и обманешь». И ушла, затерялась в вокзальной толпе. Вроде как с надеждой последние слова сказала. Или ему просто хотелось так думать.

Вернулся домой, в опустевшую двухкомнатную «хрущевку». Поначалу все действительно шло неплохо: восстановился в институте – пошел на вечерний факультет, нашел работу. Только дальше Сашкины планы разбила вдребезги случайная встреча с Павлом, бывшим другом, предателем и снова другом. В конечном итоге из-за этой роковой встречи Александр и оказался здесь.

«Ирке, что ли, написать?» – мелькнула запоздалая мысль. Лагутин привалился спиной к толстенной сосне, вздохнул, закрыл глаза. Ирка была его первой и пока единственной настоящей любовью. Жила она в соседнем дворе, учились вместе с первого класса. Сначала дружили, потом, классе в седьмом, появилось в их дружбе что-то новое, неожиданное. Настала пора влюбленности, которая у Сашки выросла в настоящее чувство, а у Иры потухла, уступив место другой, новой любви.

С Пашкой Александр занимался в футбольной секции. Друзья не разлей вода – лучший нападающий и лучший вратарь. Вот с ним-то, кого считал другом навек, однажды, себе на горе, и познакомил он свою Ирину. И даже не заметил тогда, какие громы и молнии грянули над их троицей, как рухнул его привычный мир.

Ира с тех пор говорила с ним только о Паше, а Павел, в свою очередь, смотрел виновато и больше отмалчивался. Впрочем, долго свои чувства они скрывать не стали. Сразу после выпускного Ирка ошарашила новостью – они с Павлом встречаются, а для Сашки она может быть только другом. «Ты хороший, ты себе лучше найдешь!» – утешала она его тогда, сама чуть не плача. Потом состоялось объяснение с Павлом, почти братом, ставшим в одночасье соперником и заклятым врагом.

Александр отступил, смирился. Обида жгла, сердечные раны никак не хотели затягиваться. Потом он узнал, что Павла призвали в армию. В душе поселилась подленькая надежда, что однажды Ирка передумает – может, поссорится с Павлом, может, не выдержит долгой разлуки и вернется к нему. Учился в институте, сдавал сессии, даже изредка заводил мимолетные романы. Ирку видел мельком, на глаза специально не лез, ждал. А через полтора года после того разрушительного признания получил приглашение на свадьбу. От бывшей девушки и бывшего лучшего друга. Это стало последней каплей, после которой он решил сбежать на край света.

Сашка бросил институт и ушел служить. Попал в погранотряд, в уссурийскую тайгу. Жизнь в приграничной зоне оказалась неожиданно хорошим пластырем для разбитого сердца. В душе все постепенно улеглось, успокоилось. Но это оказалось лишь затишьем перед бурей, потому что вскоре мир рухнул во второй раз – его разбил поток проклятых метеоритов.

Воспоминания прервал протяжный гул, сигнализирующий об открытии ворот, ведущих в буферную зону перед аномалией. И тут же завывала тревожная сирена. Это могло означать только одно – дозорные вернулись с очередной страшной находкой, а значит, чьи-то родные вскоре получат цинковую посылку и официальные соболезнования. Сашка представил себе безутешных родителей, рыдающую над гробом вдову, детей, ставших в мирное время безотцовщиной, и только скрипнул зубами. Мерцавшие где-то в глубине искры страха погасило желание отомстить. Он не знал точно, кому именно – поганой гнили, как ее называл Комов, или тем, кто ее охраняет. Гибель еще одного сослуживца взывала к действию. Прав майор: кто, если не мы?!

Глава 2

Не считая, что это сон

Под утро приснился сон – он, маленький непоседа, бегаёт по коридору с игрушечным автоматом, громко кричит «тра-та-та», убивая наповал воображаемого противника, а мать, скрывая улыбку, шутливо грозит ему пальцем. Светлый сон, добрый, проснулся в хорошем настроении. Рассказал за завтраком друзьям. Его второй номер по будущей вылазке, Колька Белов, скептически сморщился – мол, зря радуешься, покойники снятся к дождю. Сашка пожал плечами – к дождю так к дождю, осенний дождик и вправду накрапывал. Им-то что, не барышни кисейные, не растают. Но в душе шевельнулся холодок предчувствия: не зовет ли его мать к себе, не станет ли эта вылазка последней в жизни раба божьего Александра Лагутина? И тут же себя одернул – тьфу ты, как бабка деревенская, теперь и в сны давай верить!

Медосмотр прошел быстро. Подождал Белова – того военврач почему-то задержал дольше всех. Потом в процедурку, на укол аногеммы, и бегом на построение. Перед выходом получил наушник-вкладыш, проверил микрофон: «Раз, раз, Птицелов вызывает базу, прием».

Позывной он себе выбрал сам. С детства любил птиц, умело подражал и ворону, и скворцу, и даже трелям соловья. Еще на пограничной службе любил разыгрывать новичков, изображая кукушку. Сначала выдавал традиционное «ку-ку» откуда-нибудь из укромного места, а на вопрос «Сколько мне жить осталось?» резко обрывал кукование демоническим смехом. Суеверные, несудеверные – все пугались до чертиков. Потом, конечно, успокаивал бедолагу, объясняя, что это был розыгрыш, никакой мистики, а особо напуганным снова демонстрировал свои способности в подражании затейливому птичьему пению.

Вышли налегке, стандартная экипировка, ничего лишнего. К походной разгрузке добавилась лишь небольшая тактическая сумка с запасными патронами, аптечкой и куском «хитиновой» взрывчатки. Эх, добраться бы до эпицентра да накрыть его разом – всем бедам тогда конец! Вероятность небольшая, конечно, но вдруг повезет, может, даже героя дадут. Ну да, мечтать не вредно. Пашка – тот, прежний, сейчас бы обязательно хмыкнул и сказал, что догнать и еще добавят.

До второго периметра около пяти километров. Шли цепочкой, друг за другом, довольно быстро, но почти бесшумно. Ходить тихо, по-охотничьи, учили с самых первых занятий. Подмосковный лес дышал осенней прохладой, дождик не расходился, по-прежнему лишь изредка накрапывал. Предраассветные сумерки постепенно сменялись утренней туманной дымкой. Мирный, тихий лес. Никогда не подумаешь, что в нем, таком привычном, пахнущем грибами, влажными листьями и валежником, теперь полно опасностей – взбесившихся зверей, а может, уже и другой какой нечисти. Что там, например, в болотах могло завестись, жутко даже представить. Хотя все равно пока все это выглядело страшной сказкой, хоть и подтвержденной очевидцами – вживую Александру встречаться с мутантами еще не приходилось.

Согласно оперативным данным, мутировавшее зверье редко покидало пределы первого периметра, обитало в основном там. Но случалось, что и в буферной зоне, по которой они сейчас шли, появлялись огромные зубастые твари размером с хорошего тигра или зайца, после трансформации больше похожие на лохматых дворовых собак с красными глазами. Рассказывали, что тушу такого зайца однажды притащили дозорные, он напал из кустов на одного из бойцов отряда. Покусанный убитой тварью позже умер в госпитале. Врачи не смогли ничего сделать: слишком много крови он потерял. Тело спецназовца было буквально раскромсано в ключья длинными острыми зубами. Сашка старался об этом не думать, настраивался на выполнение боевой задачи. Разведка – раз, закладка «хитина» как можно ближе к эпицентру – два, вернуться обратно живым – три. К установкам Комова он мог еще добавить от себя – выполнить обещание, данное Павлу – четыре. Или это нужно поставить на первое место?

После дембеля гражданская жизнь казалась Александру странной, непривычно комфортной. Он работал на заводе, три раза в неделю посещал институтские лекции, ходил в кино с приятелями, иногда просто проводил вечер дома у телевизора. Однажды, переключая программы, зацепился взглядом за передачу на местном канале. Приглашенными гостями студии были участники ликвидации последствий метеоритного «дождя», так красиво его называла молоденькая ведущая. Одного из участников Сашка узнал сразу – это был Павел.

Разговор на экране шел вяло, гости выдавали сухие, будто заученные фразы, типа «космическое явление», «не представляет опасности». Павел сидел молча, сосредоточенно глядя прямо перед собой, а потом вдруг поднялся и сказал прямо в камеру: «Ничего не закончилось! Думаете, щиты поставили, так и победили? Сейчас эта тварь силу наберет, снесет нахрен все заслоны, и тогда...» Что будет «тогда», Павлу договорить не дали, передача прервалась. Сашка так и застыл перед экраном с недопитой кружкой пива.

Пашка был похож на сумасшедшего, да и слова его походили на бред – заслоны, какая-то тварь... Только с тех пор никак эта картинка не шла из головы Александра. И слова Павла звенели в ушах: «Ничего не закончилось!» Что это было? Какая тварь угрожает и кому? Вопросы грызли, отвлекали, не давали сосредоточиться. На третий день, вконец измучившись, Сашка сдался. Отправился домой к Павлу, надеясь, что они с Ириной не поменяли место жительства.

От воспоминаний Сашку отвлек странный шум впереди, одновременно напоминавший гусиное гоготание и искаженный журавлиный крик. «На два часа!» – раздался громкий шепот в наушнике. Цепь разомкнулась, бойцы рассредоточились, не выпуская из виду обозначенное направление. Александр шагнул за широкий дубовый ствол, достал бинокль, осторожно выглянул, направляя оптику чуть правее их прежнего маршрута. Сквозь поредевшие листья проступила полянка, на которой и происходила та самая непонятная возня, производившая шум.

Всмотревшись, Сашка чуть не выронил прибор, до того тошнотворная предстала его глазам картинка. Посреди поляны валялся дохлый зверь. Может, медведь, может, волк небывалых размеров. Но не это было главным. На звериной туше сидела огромная уродливая птица, выдирала куски тухлого мяса и с видимым удовольствием их пожирала. В десятикратном увеличении были отлично видны детали – мощные крылья с обломанными, неровными перьями, хищный клюв, рвущий плоть, бурые капли, разлетающиеся в разные стороны. Кровавое пиршество сопровождалось шумом и тем самым жутким клекотом, эхом разносившимся по лесу. Сама птица, если верить глазам, была размером с теленка. Внезапно на полянку спикировала похожая крылатая падальщица, только чуть меньше. Началась битва за еду. Птицы взлетали, выставляли когтистые лапы, не давая подступиться к добыче, долбили друг друга клювами, словно клинками. Клекот сменился гортанными криками и шипением. Наконец одна из дерущихся особей пропустила сокрушительный удар в горло и рухнула, дергая кривыми лапами и истекая кровью. Победительница невозмутимо продолжила свой обед, косясь на подышающую товарку. «И ее тоже потом сожрет», – в ужасе подумал Сашка. Он огляделся, выискивая товарищей. Увидел Николая, замершего с биноклем неподалеку. Словно почувствовав взгляд, Белов оторвался от созерцания неприглядной картины, опустил руки. Затем схватился за живот, скрючился, и его начало судорожно выворачивать на кусты черники. Александр несколько раз глубоко вздохнул, борясь с тошнотой, сделал несколько шагов к напарнику. Раздалась негромкая команда: «Продолжаем движение, обходим поляну справа». Николай увидел приближающегося Сашку, кивнул успокаивающе – мол, все в порядке, и они осторожно двинулись за отрядом, вновь выстраиваясь в живую цепь.

«Нет там никакой радиации! Там такая зараза сидит, что по сравнению с ней Чернобыль курортом кажется!» – гремел тогда Пашка на весь дом, разливая по рюмкам вторую бутылку.

Дверь Александру открыла Ира. Выглядела она осунувшейся, какой-то уставшей, опустошенной. Почему-то совсем не удивилась его визиту, вяло махнула рукой, мол, проходи. Сашка вдруг почувствовал жалость. Не остатки любви, тут ничего не шевельнулось даже, именно

жалость, как к другу, к близкому когда-то человеку. Что происходит? Что случилось с веселой, отчаянной, уверенной в себе Иркочкой? В коридор вышел Павел. На экране не была заметна ранняя седина на висках, глубокий шрам над левой бровью. Хотя это был все равно прежний Пашка – широкоплечий, с каменными мускулами, настоящий русский богатырь. Сначала неловко пожали друг другу руки, потом обнялись. После этого напряжение отпустило. Стало проще, будто вернулись юность и утраченная дружба.

Сашка тогда здорово удивился своим ощущениям. Он боялся этой встречи, шел после долгих раздумий и сомнений. Но тут вдруг почувствовал, что все прошлое, горькое, разделяющее, куда-то исчезло, растворилось. Может, потому, что, глядя на Ирину, он теперь не испытывал трепета, болезненной привязанности. Эх, если бы он еще тогда понял, что кипело в нем по большей части уязвленное самолюбие, эгоизм, мать его, желание быть первым и единственным! А понял бы – любовь смогла бы и потесниться, уступив место благородству и дружбе.

Никто не виноват, просто так сложилась жизнь. Сашка снова вспомнил Иркино признание, слова: «Ты хороший! Ты себе лучше найдешь!» Она ведь тогда и правда чуть не плакала, жалела его, искренне желала счастья. А он... вот балбес! Вслух Александр, конечно, ничего такого не сказал, но Пашку обнял как брата и был от души рад воссоединению.

Они тогда просидели на кухне до утра. Пили, говорили и снова пили. Больше, конечно, Павел. Рассказывал, до хруста сжимая кулаки, стучал стаканом о стол. Сашке тогда бросилось в глаза – на правой руке друга не хватало двух пальцев, мизинца и безымянного, а средний был укорочен почти на фалангу.

«Ты пойми, все врут! Те, которые из телика говорят, ладно, работа у них такая, панику гасить. Но ведь, заразы, и в частях, своим подчиненным всю правду не говорят. Народу из-за этого полегло столько, что точно до сих пор не сосчитали. Не веришь? Да ты пей! На трезвую голову такое вообще не уложится, я и сам до сих пор удивляюсь, когда думаю, что вокруг творится.

Когда бахнуло, я как раз в пожарной части служил. А куда еще после десантуры, не в охранники же? Поначалу-то вообще никто ни о чем плохом не думал, наоборот, красиво – фотки в интернете, фейерверк с небес, пришельцы прилетели. Тунгусский метеорит все вспоминали. А потом началось – то там, то здесь люди болеют, умирают, эпидемия. Думаешь, только у нас? Да по всему миру людей выкашивало, в городах, которые неподалеку от камней оказались. Только нам-то откуда было знать! Лежат себе где-то камушки, может, близко, может, далеко, точные координаты-то сразу засекретили. Подозревали, конечно, некоторые, связывали события, но доказательств не было. А что эпидемия, новый вирус, так мало ли их появляется – то Эбола, то свиной-птичий, почти привыкли уже. А про эти треклятые метеориты вообще уже почти не вспоминали.

Ты пей, Санек! Пей и слушай. Мне выговориться нужно, иначе с ума сойду. Видел Ирочку? Она со мной измучилась совсем. Все просит уехать отсюда и забыть, что знаю. А как тут забудешь, когда мир на волоске висит?!

Попал я в госпиталь после одного случая, зацепило на пожаре. Там познакомился с лейтенантом из отряда ликвидаторов, от него-то случайно правду и услышал. Он с меня, конечно, слово взял, что не проболтаюсь, подсудное дело – он расписку давал. Но теперь-то все равно, шила в мешке не утаишь. Короче, дело было так.

После „дождя“, когда определили места падений, сразу заметили странность, причем и наши, и забугорные – все метеориты легли точно по заброшенным военным базам, прямо-таки в самую середину. Как будто их кто прицельно положил, заранее места выбрал. Сразу направили вертолеты, ученых за пробами. И что ты думаешь, еще на подлете, километрах в пяти от места, начали глючить приборы, а потом и совсем отказали. Часть вертолетов успели развернуть, а большинство там же и рухнули. Стали изучать дистанционно, то со спутников, то на подступах, насколько было возможно – эта дрянь светящаяся, она всю электронику блоки-

рует, защищается. Почему светящаяся? Да потому что камни эти выглядят как угли в костре, горят красным, только что без дыма, издали заметно. Лейтенант своими глазами видел, он в то время под Волоколамском служил, особенно ночью заметно – столб красного света, как от прожектора. Ну так вот, ученые, насколько смогли, выяснили, что состав этих камней особый, не имеет аналогов на Земле. Оно вроде и понятно – из космоса же прилетели, но у них ничего общего и с другими метеоритами, которых за века на нашу планету нападало изрядно... Ни радиации, ни магнитного излучения нет, а идут какие-то импульсы, волнами расходятся по округе. В общем, сенсация, открытие! Объявили места падений природной аномалией и Зоны засекретили. У нас по России таких несколько десятков – под Москвой, под Питером, на Урале, в Сибири.

Поставили внешнее оцепление, стали туда пеших военных направлять за образцами, и кого – новобранцев из ближайших частей: задача-то вроде несложная, марш-бросок, пробы и обратно. Только из тех, первых отрядов, практически никто и не вернулся. На Урале несколько человек приползли еле живыми да потом один за другим и померли. Вылазки отменили, пошло изучение по полной программе. Выяснили, что импульсы эти при длительном воздействии на человеческий организм уничтожают его изнутри – типа рака, только очень быстро развивающегося. Кому больше досталось, тот умер за считанные минуты, кому меньше – успел вернуться, но все равно потом умер от полученной дозы. И ни химзащита, ни противорадиационные костюмы не помогают, пробивает их эта дрянь на раз. Одно хорошо – радиус излучения невелик, километров пять, максимум десять, а дальше чисто. И приборы на расстоянии работают.

Объявили карантин, сразу стали буферные зоны вокруг аномалий создавать, поэтому вокруг каждого камня сейчас два периметра, внешний и внутренний. Американцы, они побойчее наших будут, стали свои зоны обстреливать, да куда там – камушки оказались крепким орешком, как „горели“, так и по сей день „горят“. Но, спасибо заокеанским партнерам, их ученые нашли способ отражать излучение. По их технологии стали делать защитные экраны, вроде колпаков над Зонами. Только колпаки оказались дырявыми, через пару месяцев в ближайших населенных пунктах стали люди умирать. И вроде как не повально, выборочно, в основном больные и старики. Мать твоя, отец мой. Помянем, Сань, царствие им небесное!

Так о чем я? Да, эпидемия. И опять народу правду не сказали, приказ сверху – успокоить, придавить панику. Потом вроде бы само собой все прекратилось, после того как кладбища местные разрослись до невиданных размеров. Только дальше стали мутанты появляться в тех лесах, что вокруг Зон расположены. Я как это от лейтенанта услышал, все, думаю, – свихнулся мужик. А он мне фотографию под нос – лежит зверек дохлый, вроде хорька по виду, только размером с собаку и клыки как у крокодила из окровавленной пасти торчат. Картинка та еще, скажу, аж передернуло.

В общем, пока наши из правительства репу чесали, что дальше делать, уральцы, а у них там как раз основные исследования и проводились, сразу две важные штуки придумали – вакцину, защищающую от излучения, и, главное, – „хитиновые“ бомбы, единственное на сегодняшний день оружие, способное эти красные камни дезактивировать. Чего удивляешься? Название странное? Ну так-то это вещество называется хондризол-тротил, сокращенно ХИТ, оно, когда взрывается, наглухо блокирует излучение камней, укрывает их таким плотным „одеялом“, сквозь которое ничто не просачивается. Так что его в просторечии „хитином“ зовут. Полезное изобретение, что и говорить... Но тут, Саня, выяснилась еще одна хреновая вещь. Там, у этих красных камней, люди живут. Как пробрались туда через оцепления – неизвестно, а может, кто-то и раньше там жил, но теперь это вроде как заложники, и просто так „хитином“ Зону не накроешь. Вот только никакие они не заложники, а защитники, фанаты этой дряни. Думаешь, вру? Я и сам сначала не поверил, пока своими глазами не увидел, когда в отряд ликвидаторов попал. Секта поклонников Красных камней. Глаза пустые, будто вместо мозга

воздушный шарик, а дерутся, как взбесившиеся машины. Ты на мою руку посмотри. Думаешь, зверюшка какая постаралась? Нет, брат, мне эти пальцы вот такой безумный монах откусил. Одно слово – зомби!»

Глава 3

Кто живет по законам другим

Если бы можно было забыть про битву чудовищных птиц на поляне, то лес показался бы даже приветливым. Давно рассвело, моросящий дождь прекратился, повис хрустальными каплями на ярких осенних листьях. Вон грибы растут, жмутся друг к дружке, целая семейка крепких боровиков. Красота! Только фиг забудешь ту мясорубку и сытое урканье гигантской падальщицы. А сколько еще таких сюрпризов будет на пути, какие еще твари могут выскочить из-за веселых березок или колючих кустов малинника? Но все равно лес тут добрый, светлый. Хорошо бы вычистить и вернуть его людям, чтоб все стало как раньше – грибы, охота, рыбалка и никаких мутантов. Разве что комары пусть остаются для баланса добра и зла.

Александр шел размеренно, даже немного расслабленно, двигался на автомате вслед за Николаем, соблюдая нужную дистанцию. До второго периметра оставалось совсем немного, а там... Мысли снова уплыли в тот вечер, на кухню в квартире Иры и Павла, к откровенному разговору, перевернувшему привычный Сашкин мир теперь уже в третий раз.

«После госпиталя понял – не могу отсиживаться в тылу, когда такая война идет. Подал документы в ликвидационный отряд. Приняли, конечно: бывший десантник, да еще и пожарный, опыта достаточно. Отправили на переподготовку, там сказанное лейтенантом подтвердилось. Не все, конечно – секретность, чтоб ее, уровни допуска. Про гражданских в периметре вообще никто не говорил, только про излучение. Потом отправили с отрядом под Питер, в Ольгинскую Зону. Тут уж информацию про защитников-сектантов скрывать не стали, только назвали их террористами и приказали, если что – не церемониться. Сначала засылали мелкие отряды, на разведку, готовились к штурму. Потом назначили день захвата.

А накануне разведчики притащили „языка“, мужичка из эпицентра. Не знаю точно, как его отловили, наверное, сам далеко от „гнезда“ отошел, но взяли тихо, без пальбы. Привели в штаб, допрашивать. Я как раз там был, детали операции прогоняли, остался послушать. Мужик в балахоне, глаза пустые, стеклянные, сидел вроде тихо, смотрел прямо перед собой. А как развязали, кинулся с рыком на нашего командира, как зверь, ей-богу! Мы, конечно, оттаскивать, разнимать, да куда там – вцепился хуже бешеной собаки, моментально майору шею прокусил. И ведь ценный, гад, убивать нельзя: выстрелили в ногу, в руку – бесполезно. А командир уже бездыханный лежит, только кровавая лужа по полу растекается. Тут я мужика сзади захватил, стал челюсти разжимать. Он тогда шею отпустил, кусок кровавый сплюнул и как вцепится мне в пальцы! Короче, пристрелили его все-таки. Только пальцы, скот, успел отгрызть и... проглотить. Так теперь с культями живу. Давай, Санек, за майора убиенного! Хороший был человек.

На штурм меня, конечно, не взяли, рука в бинтах, как шар – не то что стрелять, автомат не удержишь. Переживал, конечно, очень. Даже в морг ходил, чтобы еще раз на эту суку, якудзу новоявленного, посмотреть. А он лежит там такой обмытый, спокойный, и вроде как даже улыбается. Тьфу, нечисть! И майор наш на соседнем столе, рядом. В общем, хоть плачь от бессилия и злости. С поля боя приходили вести, ребят отсылали для связи в зону приема, туда, где техника начинала работать. Новости скупые, но обнадеживающие – продвигаются, стреляют на поражение, снимают снайперов. Потом сообщили – начался захват эпицентра. Наши туда шли уже без боязни „облучиться“, всем вкололи аногемму, ее теперь производили и поставляли в достаточном объеме. Ну и, наконец, прилетела радостная весть – жажнули камушек „хитином“, погас источник. Тут уже вертолеты отправили на место, проще стало. Камень потом отдельным спецтранспортом вывезли в международный научный центр на изучение. Не первый, как оказалось, трофей, были и раньше удачные захваты. Только с каждым разом камни будто дополнительную силу набирали. Чем их меньше, тем сильнее излучение, крепче оборона.

Да, и про монахов этих, зомбированных. Несколько человек выжили после штурма, их к нам на базу эвакуировали. Скрутили их, конечно, по полной программе, держали все время под прицелом. А они, ты представляешь, глядели с ужасом, словно ни фи́га не понимали, что происходит. Как дети малые, напуганные, жалкие. И не подумаешь, что несколько часов назад воевали как терминаторы. Да, слава богу, детей там не оказалось, только мужики и бабы. И все как один с повальной амнезией. Получалось, что камень их сознание контролировал, ими управлял, а после того, как погас, излучение заглохло и программа эта сволочная, что их убийцами делала, исчезла. Снова стали обычными людьми, как были прежде, только ломка у всех началась. Их, видно, там тоже на какой-то вакцине против излучения держали. И полный провал – ни как попали в Зону, ни про защиту камня никто будто и слыхом не слыхивал. Мозги у всех промыты начисто. Их потом по психушкам распихали.

Вот ты, Саня, на меня с Иркочкой зло держал, обижался. Предателями небось считал. А что мы могли тогда – любовь, брат, она тоже человеку мозги промывает. Не для плохого, конечно, но все равно похоже. Заставляет думать по-другому, жить иначе, отдавать себя любимому человеку. И бесполезно с этим бороться, как со стихией. Я, когда понял, что зомби эти обычными людьми были, сам раскаялся. Хрен с ними, с пальцами, без них проживу. Живую душу я загубил, по сути, безвинную, хоть и затуманенную. Просто не повезло бедолаге под излучение попасть – вот и мозги набекрень. И сам жизнь забрал, и себя сгубил. В общем, пожалел я тогда своего обидчика, понял и простил. Теперь обратного прощения мысленно прошу у него, по сей день. И ты, Саня, нас с Иркочкой тоже прости! Не в тему я об этом сейчас, понимаю, только не хочу, чтобы еще хоть какой-то... камень на душе оставался. Черт, теперь и само слово-то стало ненавистным.

Да, забыл рассказать. Про их главного, жреца, позже пришла новость. Это мне друзья сообщили, когда я уже дома был. Комиссовали, с такой рукой к службе непригоден. Ну так вот, про монаха-управленца. Его по одежде признали главным – все в сером, а у того на балахоне символ – земной шар в красном свечении. Раскодировали этого жреца психиатры, гипнозом зацепили нестертый кусок памяти и получили хоть какое-то объяснение происходящему. В общем, узнали про секту и про миссию – защищать камень хоть ценой жизни. А у каменюк этих ни много ни мало на уме была полная переделка нашей планеты под себя. Но и жрец свои цели имел – после захвата мира войти в когорту Высших, вроде как в правительство будущего мирового государства последователей Красного камня.

Как в кино, да? Ужастик и научная фантастика. Только это все правда, Саня! И рядом с нами такой же тряндец и апокалипсис зреет, прямо под Рузой. Табловская аномалия с камушком внутри».

Наушник ожил, сквозь помехи донеслось: «До второго периметра сто метров, приготовиться к переходу. Связь только с напарником, сигнал тревоги – кукушка». Несмотря на серьезность момента, Сашка даже улыбнулся. Петь кукушкой ребят обучал он, Птицелов. Но более-менее похожее «ку-ку» получилось в итоге только у Комова и еще у одного бойца отряда. Остальные имитаторы птичьих звуков выдавали нечто среднее между вороньим карканьем и петушиным кукареканьем. Ладно, в конце концов, любой голосовой сигнал, хоть как-то напоминающий крик кукушки, в случае чего будет понят и распознан. Но лучше бы, конечно, обойтись совсем без него.

Николай притормозил, дождался Александра, дальше пошли на меньшей дистанции, держась рядом. Центр Зоны был огорожен старым бетонным забором с колючей проволокой наверху времен базирования тут секретной воинской части. Сейчас, конечно, это выглядело не так грозно и неприступно – «колючка» местами просела, кое-где свисала ржавыми клочьями, да и в самом заборе образовались сколы, обнажающие железный каркас. И хорошо бы подкоп сделать, только на это нет времени. Преодолевали препятствие старым дедовским способом – нашли место со сбитой проволокой и перелезли. Николай подсадил, Сашка влез наверх, под-

тянул напарника. Вниз – осторожно, по очереди, нащупывая выбоины в бетонном полотне, подобно скалолазам, благо в сколах и щербинах недостатка не было и с внутренней стороны.

На документах прошлого века были обозначены наземные здания, возведенные кучно, ближе к центру, и несколько подземных бункеров, разбросанных по всему периметру. Из наземных сразу выделялись самые крупные: жилое помещение – типовая казарма и отдельно стоящий хозблок с прачечной. Чуть сбоку размещалось здание столовой, а совсем в центре – командный пункт, штаб. На бумажной карте все выглядело просто и понятно: вот забор, вот строения, пронидай внутрь, оставляй «хитиновые» подарочки и деру. На деле же от этих построек сейчас исходила основная опасность, в каждом здании мог укрыться не один десяток зомбированных защитников, настроенных убивать всех, кто посягнет на их светящегося идола.

Но до построек еще километра три, широкая лесная полоса, преодолевать которую теперь придется крайне осторожно. То зверье, о котором вчера рассказывал Комов, обитало в основном здесь. Александр снова чуть не расхохотался, как на инструктаже – где-то бродит белочка-мутант? И тут же себя одернул – не накаркать бы. Птички вон и то оказались страшнее тигра, что уж про белок с зайцами говорить. Встретишь – и вправду будет не до смеха. А еще не дай бог серый балахон покажется. Брать «языка» никто не планировал, в задачу отряда это не входило. Значит, придется сразу убивать, причем тихо, ножом. А потом живи и мучайся совестью, что лишил жизни не врага, а несчастного человека, неизвестно как попавшего в подчинение камню-пришельцу.

«И что теперь? Табловскую когда ликвидировать будут?» – тормозил Сашка Павла, когда тот умолк, поникнув головой, уже под утро. Водка, странный полуночный разговор – все это вымотало и Александра, но уходить, не выяснив главного, не хотелось. Павел никогда ничего просто так не говорил, значит, есть у него свой план, точно есть! Сашка тряхнул друга за плечи, говори, мол.

«С Табловской случай особый. Ее, Саня, похоже, напоследок оставили. Это для нас она мина замедленного действия, причем под боком. А для ученых-военных – кто знает? Может, у них в планах ее как-нибудь сохранить, законсервировать и использовать в своих целях. Да, звучит как теория заговора, и, может быть, оно, конечно, и паранойя, но кто поручится? Американцы вон все свои точки уже вычистили, законопатили куски наглухо в специальных шахтах, чтобы ни у кого и мысли не было их достать и в дело пустить. И китайцы тоже. А у нас вроде как теперь секретное оружие в запасе, стратегическое, мать его, преимущество вырисовывается, если хотя бы один камень под контроль взять. Тьфу, даже думать противно! Но исключать такой поворот тоже нельзя. Только самого главного наши умники так и не поняли – пока они время тянут, прикидывая, как похитрее камень использовать, он силу набирает, к захвату мира готовится. По слухам, есть у него возможность всех замурованных собратьев снова на поверхность поднять и активировать. Так что Табловская, выходит, не только его последний оплот, но и точка возрождения. Выдержит второе пришествие наша планетка? Тотто... Хотим выжить – надо гасить пришельца, быстро и наверняка, чтобы ни одного шанса у него не осталось. Поэтому ты не удивляйся, брат – решил я уничтожить эту заразу изнутри, самостоятельно. Помнишь, как у Цоя? Дальше действовать будем мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.